

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-1-203-217

УДК 930.85+392

КУЛЬТ ПРИРОДЫ В ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА НАРОДА МАРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В МАРИЙСКУЮ АССР В 1930–50-Е ГГ.)

Лепешкина Л.Ю.

Целью статьи является анализ символических воплощений природы в обрядах жизненного цикла мари по материалам этнографических экспедиций в Марийскую АССР в 1930–50-е гг. Актуальность темы исследования обусловлена экологическим кризисом, инициированным ростом индустриализации, и усилением антагонизма между человеком и природой. Обращение к историческому опыту мари позволяет выявить положительные примеры экоориентированного отношения к природной среде через обрядовые формы.

Методология проведения работы. В основу исследования положен принцип историзма, дающий возможность проанализировать марийскую традиционную обрядность в условиях социокультурных перемен. Рассмотрение процесса взаимодействия между человеком и природой в обрядах жизненного цикла осуществляется посредством системного подхода, способствующего определению культурного потенциала марийских традиций. Также в статье применяются следующие методологические приемы: сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, методы научного описания, обобщения, интерпретации неопубликованных источников, наблюдения и опроса при сборе автором полевых материалов.

Источниками для изучения стали отчеты и полевые дневники советских этнографов, находящиеся в российских научных архивах.

Результаты. Отчеты и полевые дневники советских этнографов, посетивших Марийскую АССР в 1930–50-е гг., рассмотрены с точки зрения отражения экологических представлений мари в обрядах жизненного цикла. Выявлено, что природа служила конструирующим элементом традиционной обрядности. Показано, что

природная среда воспринималась в мариийской культуре как мать, божество и член родовой общины. Согласно представлениям мари, одним из основных способов укрепления связи между человеком и природой было жертвоприношение. Воспоминание о природе при осуществлении обрядов жизненного цикла позволяло реализовывать следующие функции: предохранение от влияния злых сил, защита от небытия, формирование чувства солидарности.

Область применения результатов – в образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: мари; природа; обряды жизненного цикла; свадьба; похоронно-поминальные обряды; жертвоприношение; священная роща.

THE CULT OF NATURE IN THE LIFE CYCLE RITES OF THE MARI (BY THE MATERIALS OF EXPEDITIONS TO THE MARI ASSR IN THE 1930–50S)

Lepeshkina L. Yu.

The purpose of the article is to analyze the symbolic presentations of nature in the Mari life cycle rites that is based on the materials of ethnographic expeditions to the Mari ASSR in the 1930–50s. The relevance of the research topic is caused by the environmental crisis, which has been initiated by the growth of industrialization, and increased feud between man and nature. Reference to the historical experience of the Mari allows to reveal positive examples of eco-oriented attitude to the natural environment through ritual forms.

Methodology. *The study is based on the principle of historicism, which makes it possible to analyze the Mari traditional ritualism in the context of sociocultural changes. The consideration of the process of interaction between man and nature in the life cycle rites is carried out by means of the systematic approach that contributes to the definition of the cultural potential of the Mari traditions. In addition, the following methodological procedures are used in the paper: comparative-histor-*

ical, logical, retrospective, the methods of scientific description, generalization, interpretation of unpublished sources, observation and survey in the collection of field researches by the author. The sources for the study were the reports and field diaries of Soviet ethnographers that are located in Russian scientific archives.

Results. *The reports and field diaries of Soviet ethnographers who had visited the Mari ASSR in the 1930–50s were considered from the point of view of reflecting the environmental ideas of the Mari in the life cycle rites. It is revealed that the nature served as a constructive element of traditional rituals. It is shown that the natural environment was perceived in the Mari culture as a mother, deity and a member of the tribal community. According to the Mari, one of the main ways to strengthen the connection between man and nature was sacrifice. The recollection of nature in the life cycle rites made it possible to realize the following functions: the preservation from the influence of sinister forces, the protection from non-existence, the formation of sense of solidarity.*

Practical applications – *in educational and research activities.*

Keywords: *Mari; nature; life cycle rites; wedding; funeral rites; sacrifice; sacred grove.*

Введение

Актуальность темы исследования определяется духовным потенциалом традиционной культуры, в том числе обрядов жизненного цикла. В условиях индустриализации и, как следствие, возникновения экологического кризиса важным видится обращение к опыту предыдущих поколений по взаимодействию с природной средой. Зачастую подобное взаимодействие порождало особые традиции, проникавшие в разнообразные повседневные практики и делавшими саму культуру того или иного этноса экоориентированной. В традиционных обрядах жизненного цикла связь с природой ярко выражена, поскольку последняя воспринимается как проводник в мир предков. В научной литературе данные обряды называют переходными, переломными и отождествляют с изменением социально-

го статуса человека в результате рождения, инициации, вступления в брак и смерти [3; 17; 19].

На обряды жизненного цикла народов Поволжья (русские, мордва, мари, удмурты, чувашаи, татары, башкиры и немцы) в XX столетии оказала существенное влияние национальная и культурная политика СССР, ставившая своей целью распространение антирелигиозного настроения среди населения региона. Это предполагало отказ не только от православных канонов, но и дохристианских традиций, столь востребованных в течение долгого времени в Поволжье. Результаты советизации общества проявились в различных сферах бытия. Обряды жизненного цикла населения региона в этом случае не стали исключением: они превратились в события светского характера, где проявление традиционности интерпретировалось в качестве пережитка. Тем не менее, часть традиций окончательно ликвидировать не удалось, как демонстрируют примеры из марийской обрядности. В обрядах жизненного цикла мари, особенно в свадебных и похоронно-поминальных, сохранился ряд элементов, показывающих неразрывность отношений между человеком и природой. В традиционном сознании природа соотносилась с матерью, покровительницей рода [7], превращаясь в источник всевозможных поверий, мифов и ритуалов.

Объектом исследования выступают обряды жизненного цикла народа мари в 1930–50-е гг., предметом – этнические представления о природе и их влияние на традиционную обрядность по материалам советских этнографов, посетивших Марийскую АССР в указанный исторический период. Выбранные хронологические рамки интересны своей противоречивостью с точки зрения устремленности советского государства к новым социалистическим ценностям в условиях существования прежних идеалов среди населения республики.

Целью данной статьи является анализ символических воплощений природы в обрядах жизненного цикла мари по материалам этнографических экспедиций в Марийскую АССР в 1930–50-е гг. Новизна исследования характеризуется тем, что изучение тради-

ций марийского народа позволяет создать представление о месте природной среды в жизненном пространстве этноса, в преодолении страха при встрече с конкретным событием – рождением, инициацией, женитьбой и смертью человека. В практическом смысле подобные традиции служат теми положительными примерами, которые необходимы в настоящее время российскому государству для построения грамотной политики в области рационального природопользования.

Научная литература, посвященная народам Поволжья, отличается своим разнообразием с точки зрения полноты описания региональных традиций и обрядов. Немаловажное значение здесь имеют публикации отечественных и зарубежных историков, этнографов, археологов, философов и филологов XIX–XXI вв. В исследованиях XIX века, например, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.В. Никольского, И.Н. Смирнова, акцентировалось внимание на верованиях народов региона, на воздействии потусторонних сил (Турá, Шайтан, Кереметь и прочие божества) на обрядовые практики местного населения. В XX веке традиции волжан стали подвергаться критике под влиянием советской идеологии, что можно встретить в публикациях П.В. Денисова, Г.Е. Кудряшова, К.И. Козловой, Д.М. Макарова. Начиная с 1990-х гг. традиционная культура народов Поволжья получает новое осмысление, в частности, в работах А.К. Салмина, Е.А. Ягафовой, Т.И. Ведерниковой и др., как позитивный опыт взаимоотношений различных поколений, как фундамент этнокультурной идентичности.

Среди современных исследований, затрагивающих экологический аспект в культуре народов Поволжья, целесообразно назвать труды Н.Ф. Беляевой [2], А.К. Салмина [16], Р.П. Четкаревой [18], Г.А. Корнишиной [5], А.Ф. Илимбетовой и Ф.Ф. Илимбетова [4]. В своих произведениях упомянутые авторы опираются на этнографические материалы, собранные в Поволжье в XIX–XX вв., и преимущественно описывают обряды в честь природных явлений и объектов.

В отличие от предыдущих исследований в данной статье акцент делается на взаимоотношениях человека и природы на при-

мере марийских обрядов жизненного цикла 1930–50-х гг. Предполагается, что природный фактор был одним из ключевых в формировании указанных обрядов, привнося в них особую поэтику и символизм.

Материалы и методы

Теоретическую базу статьи составили полевые дневники и отчеты этнографов, хранящиеся в научных архивах Чувашского государственного института гуманитарных наук, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российского этнографического музея. Ценная информация о марийских обрядах 1930–50-х гг. собрана Т.А. Крюковой, подробно описавшей народные традиции на фоне активной пропаганды социалистических ценностей.

Цель исследования, связанная с анализом марийских обрядов жизненного цикла и выявлением в них образов природы, предполагает применение системного подхода, посредством которого удается определить наиболее устойчивые элементы обрядности.

Методы исследования, используемые автором, основываются на принципе историзма, что позволяет проанализировать существование традиционной обрядности в условиях социокультурных перемен. При характеристике тех или иных компонентов марийских обрядов жизненного цикла применялся метод научного описания. Также создание статьи потребовало привлечения следующих историографических методов: сравнительно-исторического, помогающего рассмотреть обряды мари с учетом особенностей конкретного периода истории; логического для раскрытия своеобразия изучаемого явления; ретроспективного для реконструкции событий прошлого через обращение к современным научным данным. Эмпирические исследования основаны на методах обобщений, интерпретации неопубликованных источников, наблюдения и опроса, осуществленных автором в процессе сбора полевых материалов.

Результаты и обсуждение

Во многих отчетах советского времени об этнографических экспедициях в Поволжье указывалось, что традиционные обряды и верования были уделом стариков, молодое поколение их отрицало [1, 13]. К примеру, в отчете Л.А. Иванова содержатся критические высказывания о языческой религии чувашей, которую следует воспринимать как пережиток, находящийся на конечной стадии своего существования [8, л. 13].

Советские этнографы, посещавшие Марийскую АССР в 1930–50-е гг., в так называемый период бурной социалистической стройки, обращали внимание на сохранение родовых пережитков в обрядах жизненного цикла мари (горные, луговые и восточные). Прежде всего, это находило отражение в родильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности.

В обрядах, связанных с рождением ребенка, важное место занимал процесс имянаречения. Имя обеспечивало благополучное существование и защиту от потусторонних сил. Если младенец умирал сразу после своего рождения, то ему все равно давали имя во избежание его превращения в лешего [6, л. 26].

Для защиты ребенка от злых духов, обитавших нередко за рекой или каким-либо другим водоемом, мари прибегали к различным приемам: привязывали к его руке нитку с ракушкой, называемой «змеиной головой»; на его рубашку или шапочку нашивали и вешали к колыбели бусы, бисер «от дурного глаза» [6, л. 26; 10]. Для предохранения от порчи мать брала один из железных предметов и обводила им вокруг головы ребенка. После этого железный предмет оставляли у изголовья колыбели [6, л. 26].

При описании исследователями свадебных обрядов мари было обращено внимание на ряд специфических ритуальных действий. Так, невеста, приходя в дом мужа, трогала матицу, фактически приглашая на торжество умерших предков. Согласно собранным данным, мари играли свадьбы в священных семейных рощах – «сурт ото», которые имели огромное значение для народа в восприятии различных событий, в предотвращении несчастий, в благодарении

добрых духов [15, л. 14]. По другим сведениям, для получения поддержки со стороны потусторонних существ во дворе, где праздновалась свадьба, перед столом жениха и невесты ставилась березка, которая символизировала место для умерших предков [6, л. 30].

Некоторые предметы из свадебной обрядности мари употреблялись в конце 1950-х гг., что представлялось этнографам удивительным, поскольку советская культурная политика должна была создать совершенно иной образ жизни людей, ориентированный на коммунистические идеалы. Так, согласно отчету Т.А. Крюковой об этнографической экспедиции в 1959 году, для покрывания невесты использовалось особое покрывало, которое ткалось из волокон крапивы. Крапива для свадебного покрывала собиралась в глухом лесу, вдали от деревни, так, «чтобы петухов не было слышно» [12, л. 17]. По-видимому, в этом действии выражалось стремление защитить невесту от воздействия враждебных сил.

Похоронно-поминальные обряды по своей сути оказались более устойчивыми в советское время, чем другие. Причем исследователи отмечали, что они сохранились в архаических формах, в которых подчеркивалась связь с природой и умершими предками. На марийских кладбищах, на могилах советских людей, где в качестве памятников ставили столбики со звездой (пятиконечной), этнографы наблюдали, как подле погребения высаживалось дерево (липа, дуб, рябина). Исследователями такое явление интерпретировалось в качестве пережитка, связанного с культом деревьев у народов Поволжья. Примечательным являлось то, что дерево сажалось исключительно указанной породы [15, л. 18]. Кроме того, среди луговых мари почиталась мать-земля. Как следствие, на кладбищах строго запрещалось косить траву, ломать ветки или рубить деревья [6, л. 29].

Украшение лошади, везущей гроб, зеленью (ветками деревьев) также апеллирует к природе. Делалось это для того, чтобы покойники из рода человека, который умер, не вредили живым. Им необходимо было определить в похоронном поезде место – оно, как правило, располагалось на ветках деревьев [15, л. 18].

Этнографы заключали, что большая устойчивость похоронных обрядов в 1930–50-е гг. по сравнению, например, со свадебными объяснялась следующим образом: умирали зачастую старые люди, из которых многие еще трепетно относились к прежним обычаям и верованиям, тогда как в брак вступала молодежь, воспитанная в духе атеизма [15, л. 15].

Обряд, связанный с поминками на 40-й день, был зафиксирован этнографами целиком. Он включал архаические по своей сути элементы, порожденные культом природы. В частности, интерес вызвало моление в священной роще, совместное употребление ритуальной пищи из общих чашек [15, л. 14]. В Горно-Марийском районе сохранялся обычай, где представители каждой семьи или рода приходили на общественное моление с особой резной посудой, на которой изображались кони или птицы. По этому поводу этнографы поясняли, что они имели «дело с пережиточной формой очень давнего явления», связанного при своем возникновении с тотемическим представлением [6, л. 29].

В целом священные рощи мари подразделялись на общественные, предназначенные для принесения жертв всей деревней, и родовые, где совершались обряды лицами, принадлежавшие к одному роду [6, л. 28]. Массовые жертвоприношения животных по случаю поминок в священной роще уже не встречались, и сами рощи могли подвергаться уничтожению. К примеру, в начале 1930-х гг. священные рощи в Купран-Солге частично были вырублены по инициативе самих колхозников, лес пошел на подправку школы. Праздники, связанные в прошлом с жертвоприношением в рощах, уже коллективно не отмечались. Переломным периодом в этом отношении стали 1930–1931 гг. (начало коллективизации), когда происходила борьба между традиционными элементами культуры и новыми социалистическими ценностями [15, л. 15].

Вместе с тем ритуалы жертвоприношения, как локальное явление среди определенных групп населения, продолжали существовать. Seriously заинтересовали советских этнографов традиции жертвоприношения во время поминок нехристианской секты «Ку-

гу-Сорта» («большая свеча»), которая возникла в конце XVIII века и прекратила существование в 1940-е гг. [15, л. 15].

Члены «Кугу-Сорта» почитали единого Бога, регулярно посвящая ему индивидуальные и общественные моления. «Кугу-сортинцы» избегали кровавых жертвоприношений и тяготели к аскетическому образу жизни [11, л. 1]. Как писала в своем отчете о командировке в Марийскую АССР в 1939 году Т.А. Крюкова, объектами жертвоприношения у сектантов являлись продукты земледелия и пчеловодства, при этом вино, табак, сахар, соль, мясо и овощи оказывались под запретом [9, с. 241].

Необходимо отметить, что при совершении жертвоприношения кугусортинцы использовали предметы, сделанные из следующих семи материалов: береза, липа, вертел, ржаная и овсяная солома, конопля и травы. В течение года предусматривалось семь молений, в которых употреблялись все указанные материалы. После чтения молитвы в роще стол с утварью и продуктами жертвоприношения поджигали «огнем живым», т.е. добытым из «сырорастущего» дерева [15, л. 8].

От современных информаторов автором были получены сведения, что в настоящее время луговые мари могут искупить свои грехи, попросить о помощи и милости у главного бога Ош Поро Кугу Юмо («Светлый Добрый Великий Бог») посредством принесения ему в жертву быков и баранов. В священной роще организуется коллективная трапеза по употреблению приготовленного мяса, после чего сжигаются на костре шкура и кости жертвенного животного [10]. В 1930–50-е гг. подобные жертвоприношения не могли носить массовый характер, но, как заключали советские этнографы, говорить об окончательной ликвидации марийских верований было преждевременно, поскольку на их сохранение серьезное влияние оказывали семья или род. В священных рощах, которые посетили исследователи, приходилось встречать иногда свежие следы от костров, что свидетельствовало об индивидуальных жертвоприношениях. Как отмечала Т.А. Крюкова, огонь, использовавшийся для принесения жертвы, связывал богов и людей. Он забирал дар, превращая его в дым, и таким способом отправлял к богам «вместе с

мольбами людей» [14, л. 36]. В зависимости от направления дыма жертвователи судили о принятии жертвы божеством, об искуплении своих грехов.

Заключение

Анализ опыта взаимодействия человека и природы через обрядовую деятельность позволяет выделить следующие функции марийских обрядов жизненного цикла: предохранение от влияния злых сил, защита от небытия, формирование чувства солидарности. Первая функция четко разграничивала потусторонний мир между добрыми и враждебными духами, поэтому людям необходимо было избегать встречи с последними. Вторая функция выражала стремление человека к вечной жизни, третья – способствовала объединению людей во время совершения обряда на уровне семьи, рода, этнической общности.

Материалы советских этнографов показывают, что языческие элементы, связанные с природой, находили отражение в обрядах жизненного цикла народа мари на протяжении 1930–50-х гг. Устойчивость этих элементов предопределялась спецификой человеческой психики. Они не требовали от человека принятия каких-либо догм, подобно христианству или исламу, а организовывали жизнь людей согласно их коллективным представлениям и потребностям быть частью природы.

Благодарности

Исследование выполнено на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках научно-исследовательского проекта № МК-3253.2017.6 «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее».

Список литературы

1. Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Ф. 47. Оп. 12. Д. 2103.

2. Беляева Н.Ф. Место природной среды в системе этнической идентичности у мордвы. URL: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/3001/belyaeva-mesto.pdf> (дата обращения: 14.09.2017).
3. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
4. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 306 с.
5. Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.
6. Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН). Ф. К-1. Оп. 1. Д. 391.
7. МАЭ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. III. Д. 2229.
9. Овсянников В.П., Лепешкина Л.Ю. Культурная динамика традиции жертвоприношения народов России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 239-243.
10. Полевые материалы автора – тема исследования «Обычаи, верования и обряды мари», Мишкинский район Республики Башкортостан, август 2013 г.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523.
12. Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1343.
13. РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 319; Оп. 1. Д. 1853; Д. 1631.
14. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 146.
15. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4.
16. Салмин А.К. Жертвоприношение в традиционной жизни чувашей // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 143-151. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-202-9/> (дата обращения: 28.05.2014).
17. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
18. Четкарева Р.П. Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола: Изд-во «Периодика Марий Эл», 1999. 86 с.

19. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с франц., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References

1. *Arkhiv Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk. F. 47. Op. 12. D. 2103* [Archive of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Fund 47. Inventory 12. File 2103].
2. Belyaeva N.F. *Mesto prirodnoy sredy v sisteme etnicheskoy identichnosti u mordvy* [The place of the environment in the system of ethnic identity among the Mordovians]. <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/3001/belyaeva-mesto.pdf> (accessed September 14, 2017).
3. Gennep A., van. *Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov* [The Rites of Passage. Systematic studying of ceremonies]. Moscow: Izdat. firma "Vostochnaya literatura" RAN, 1999. 198 p.
4. Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F. *Kul't zhivotnykh u bashkir: istoriya i sovremennost'* [The cult of animals among the Bashkirs: history and contemporaneity]. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2009. 306 p.
5. Kornishina G.A. *Ekologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obryadovyi aspekt): monografiya* [The ecological view of the Mordovians (a religious and ceremonial aspect): monograph]. Saransk: Mordovia University Publ., 2008. 156 p.
6. *Nauchnyi arkhiv FGBUN Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN (MAE RAN). F. K-1. Op. 1. D. 391* [Scientific archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences. Fund K-1. Inventory 1. File 391].
7. *MAE RAN. F. 4. Op. 1. D. 18* [Fund 4. Inventory 1. File 18].
8. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. III. D. 2229* [Scientific archive of Chuvash State Institute of the Humanities. Section III. File 2229].
9. Ovsyannikov V.P., Lepeshkina L.Yu. Kul'turnaya dinamika traditsii zhertvoprinosheniya narodov Rossii [The cultural dynamics of the sacrifice tradition of the peoples of Russia]. *Theory and practice of social development*, 2015, no. 21, pp. 239–243.

10. *Polevye materialy avtora* – tema issledovaniya “Obychai, verovaniya i obryady mari”, *Mishkinskiy rayon Respubliki Bashkortostan, avgust 2013 g.* [Field researches of the author – the research topic “Customs, beliefs and rites of the Mari”, Mishkinsky District of the Republic of Bashkortostan, August 2013].
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 797. Op. 74. D. 523* [Russian State Historical Archive. Fund 797. Inventory 74. File 523].
12. *Rossiyskiy etnograficheskiy muzei (REM). F. 2. Op. 1. D. 1343* [The Russian Museum of Ethnography. Fund 2. Inventory 1. File 1343].
13. *REM. F. 2. Op. 2. D. 319; Op. 1. D. 1853; D. 1631* [Fund 2. Inventory 2. File 319; Inventory 1. File 1853; File 1631].
14. *REM. F. 18. Op. 1. D. 146* [Fund 18. Inventory 1. File 146].
15. *REM. F. 18. Op. 1. D. 4* [Fund 18. Inventory 1. File 4].
16. Salmin A.K. *Zhertvoprinoshenie v tradicionnoy zhizni chuvashej* [A sacrifice in traditional life of the Chuvashes]. *Elektronnaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Electronic library of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences], pp. 143-151. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-202-9/> (accessed May 28, 2014).
17. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 277 p.
18. Chetkareva R.P. *Priroda, zdorov'ye i tabu naroda mari* [The nature, health and taboos of the Mari people]. Yoshkar-Ola: “Periodika Mariy EI” Publ., 1999. 86 p.
19. Eliade M. *Svyashhennoe i mirskoe* [The Sacred and the profane. Trans. from French, the preface and comments of N.K. Garbovsky]. Moscow: MGU Publ., 1994. 144 p.

ДАнные об авторе

Лепешкина Лариса Юрьевна, доцент кафедры «Гостеприимство и межкультурные коммуникации», старший научный сотрудник управления научных исследований, кандидат исторических наук

*Поволжский государственный университет сервиса
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017,
Российская Федерация
lara_yura@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lepeshkina Larisa Yurevna, Associate professor, Hospitality and Cross-cultural Communications Department, Senior Fellow, Science and Research Department, Ph. D. in History
*Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation
lara_yura@list.ru
SPIN-code: 2872-6854
ORCID: 0000-0001-8989-5987
ResearcherID: C-1282-2015
Scopus AuthorID: 56020952900*